

М.С. Макеев

**РОБЕРТ БЕРНС И ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ
В ПОЭТИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ
Н.А. НЕКРАСОВА В СЕРЕДИНЕ 1850-х гг.**

Одной из проблем в изучении творчества и жизни Некрасова остается возникший у него неожиданный интерес к поэзии Бернса. Так, он пишет Тургеневу (30 июня — 1 июля 1855 г.): «И вот еще к тебе просьба: у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе нетрудно будет перевести для меня одну или две пьесы прозой (по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю) — я, может быть, попробую переложить в стихи. Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз»¹. В ответном письме Тургенев обещает исполнить просьбу Некрасова и позднее дважды упоминает о Бернсе в связи с Некрасовым в письмах (последний раз 9 августа 1855 г.). Затем в письме Некрасова Дружинину (6 августа 1855 г.) снова появляется имя шотландского поэта: «Тургенев, спасибо ему, взялся мне переводить из Бернса» (14, 1: 210) Больше о Бернсе Некрасов не упоминает.

Нам известна только одна попытка объяснить это внезапное появление интереса к Бернсу у Некрасова. Ю.Д. Левин связывает его с проявленным Некрасовым в письме И.С. Тургеневу от 30 июня — 1 июля 1855 г. общим интересом к зарубежной поэзии: «...У Некрасова возникла мысль самому перевести стихи двух английских поэтов — Бернса и Крабба. Нет сомнения, что его привлекла демократическая направленность творчества обоих поэтов, их ярко выраженный реализм»². «Реализм», по нашему мнению, можно было найти у разных поэтов. Вероятно, Бернс заинтересовал Некрасова чем-то другим, более специфическим, обусловившим его прямо-таки «болезненное желание» с ним познакомиться.

В этой работе мы хотим показать, чем, собственно, заинтересовал шотландский поэт Некрасова и какое влияние он оказал на его поэзию. По нашему мнению, интерес к Бернсу появляется у Некрасова под влиянием не И.С. Тургенева, а В.П. Боткина. И привлекает его не столько поэтика Бернса, сколько его личность и судьба, увиденные через призму работы Томаса Карлейля «О героях и героическом в истории». Центральный некрасовский текст, в котором отразился интерес русского поэта к Бернсу, — стихотворение «Поэт и гражданин».

Контекст, в котором у Некрасова появляется интерес к Бернсу, — работа над изданием своей первой «настоящей» поэтической книги. Замысел издать сборник возникает у поэта, вероятно, в начале 1855 г. В частности, какие-то предварительные разговоры о нем отразились в письме Тургенева Некрасову 29 апреля 1855 г.: «Комната твоя здесь тебе готова, и если бы ты вздумал приехать сюда, пока охота еще не началась, очень бы ты меня обрадовал <...> Ты бы здесь приготовил собрание твоих стихотворений к печати, которое непременно надо издать зимой»³. Окончательно решение об издании было принято позднее, в конце мая 1855 г. Тем не менее размышления над составом, задачами сборника у Некрасова продолжались вплоть до его выхода из печати 15 октября 1856 г.⁴

Эти колебания, вызывавшие оттягивание издания книги, связаны были, на наш взгляд, не только с финансовыми и техническими обстоятельствами (подробный обзор которых можно найти в статье И.И. Подольской), но и с сомнениями творческого характера. Дело в том, что подготовка сборника к печати совпадает с переломным моментом и в российской истории, и в русской литературе. Сам характер этих перемен мог показаться крайне неблагоприятным для некрасовской поэзии, вызывать ощущение ее несоответствия новой эпохе. Размышления об этих изменениях в большом количестве содержатся в критических работах самого Некрасова, написанных в 1855—1856 гг. (это время, как известно, вообще отмечено беспрецедентной его активностью как критика).

Важнейшая перемена, на которую настойчиво обращает внимание сам Некрасов в своих статьях, — это появление у литературы новой аудитории, которой стала молодежь. Она предъявляет к литературе новые требования. По мнению Некрасова, молодежи свойственны идеализм, бесстрашие, бескорыстная любовь к истине. И в литературе она хочет видеть отражение своих идеалов и требований. В статье «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасов размышляет: «...Что могут дать все эти повести, рецензии, фельетоны молодым и горячим юношам, только что начинающим жить и читать, юношам, которые видят в книге, в журнале совсем не то, что видим теперь мы; которые, подобно нам, читают все эти повести и фельетоны, но не так скоро забывают их, как забываем мы? Вспомните, какое впечатление производили на вас книги в лета отрочества и юности и скольким вы сами обязаны книгам, — и вы, может быть, разделите с нами боязнь, что теперешней литературе готовится в будущем тяжкий и справедливый упрек. Кто не знает и не повторяет, что русская литература с давних времен шла всегда впереди общества, отличалась постоянно, так сказать, характером воспитательным? <...> Но мы

желали бы спросить: что представляет собой литература настоящей минуты с точки зрения, как мы выразились, воспитательной? Не совсем приятно отвечать на этот вопрос. Известно, что русское общество в своих наиболее развитых представителях начало с некоторого времени усваивать себе характер так называемой положительности в отличие тому романтическому настроению, которым отличалось оно еще в не весьма давние времена <...> Кто не встречал теперь в обществе людей молодых, умных, образованных, в высшей степени приличных, для которых <...> по-видимому, решены уже все вопросы жизни, которые говорят всегда умно и никогда глупо, касаясь до всего слегка, не возмущаются никаким злом, сознавая <...> что оно неизбежно и неисправимо...» (11, 2: 142—143). В той же статье из всего лишь компиляции под названием «Об опеке и попечительстве» Некрасов необычайно сочувственно цитирует фрагмент, содержащий в том числе, и такие утверждения: «Скучно то, что пусто, что мелочно, в чем нет ни смысла, ни человеческого значения: скучно ничего не делать по утрам, играть в карты по вечерам, ездить в гости к соседу, с которым у нас нет ничего общего, кроме разговора о погоде, скучно не иметь в жизни человеческого интереса, скучно растратить свою жизнь на мелочи, на пустяки, на вздор; но прочесть книгу, в которой изложены наши обязанности в отношении к обществу, не должно быть и не может быть скучно для благородного человека» (11, 2: 144—145). Комментарий Некрасова таков: «Вот голос, какого мы давно не слыхали в наших рецензиях и фельетонах и который желали бы слышать в них как можно чаще!» (11, 2: 145). Рецензент продолжает: «Даже защищая идеальные стороны человеческой природы против так называемых фактов, против фактического воспитания, стремящегося к подавлению их, Диккенс счел нужным привести положительную, материальную причину, почему сохранение нежных стремлений сердца необходимо для человечества... <...> Словом, во всем и везде — пракτικότητα, осязаемая польза, доказательство фактическое. Это в своем роде прекрасно и дельно, но есть нечто неотразимо обаятельное в том вольном, безотчетном и бескорыстном стремлении к идеалу, к неуловимому, неопределенному, возвышенно и недостижимо прекрасному, — стремлении, которым проникнут названный нами роман французской писательницы!» (11, 2: 147—148). Об этом же Некрасов говорит в обзоре «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года»: «Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его темных и сомнительных явлениях. Во что бы ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она должна ни на шаг не отступать от своей цели — возвысить общество до своего идеала, — идеала добра, света и истины» (11, 2: 178).

Другое требование новой эпохи, которое не раз подчеркивает Некрасов в своих статьях этого года, требование яркости индивидуальности, незаурядности личности самого поэта. В рецензии на «Стихотворения Я.П. Полонского» он пишет: «В наше время писателю, чтоб достойно проходить литературное поприще, недостаточно одного таланта; самая личность его много значит» (11, 2: 137). Причиной внимания к личности поэта является тот самый присущий поэзии «идеализм». Она требует бескорыстия от самого поэта — качества, редко встречающегося в «положительную эпоху». В середине 50-х гг. яркая личность становится едва ли не наиболее достойным предметом литературы. Некрасов высоко оценивает задачу, поставленную перед собой создателем книги «О жизни и трудах Дорджи Банзарова» (1855): «Нельзя в заключение не поблагодарить г. Савельева за его брошюру. Он сделал ею хорошее дело — совершенно бескорыстно, потому что она немного найдет покупателей. Но подобные случаи и не должны служить предметом спекуляции; тут дело не в покупателях, а в сохранении в литературе следа замечательной личности» (11, 2: 140). Фактически к личности самого поэта предъявлялись новой публикой требования жертвенности, настоящего героизма⁵.

Как обстояло дело с этими чертами у самого Некрасова? Безусловно, такой читательский запрос должен был вызывать у него тревожные размышления. В некрасовских стихах ощущался прежде всего недостаток «идеализма». Даже в последние годы жизни Некрасов будет характеризовать свою раннюю поэзию как отрицающую, скептическую. Так, он утверждает в автобиографическом фрагменте 1872 г.: «Я родился в 1822 году»: «Я сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 44 года стихотворение «Родина», написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (13, 2: 48). Еще в конце 40-х гг. Некрасов в духе позднего Белинского выражал презрение к «идеальным» юношам в рецензии на три поэтические книжки «Москва, поэма в лицах и действия, в 5-ти частях, Н.В. Сушкова», «Слава о вещем Олеге, соч. Д. Минаева» и «Страшный гость. Литовская поэма, взятая из народных поверий» (1847): «Еще не очень давно в русском государстве, богатом всякими дивами, на каждом шагу попадались юноши, которых в наше время зовут вообще романтиками, — идеальные юноши» (11, 2: 8). Далее вполне в стиле Тихона Тростникова он иронизирует над высокими идеалами. Достаточно вспомнить требование дельности и гуманизма, но без «идеальничанья», выдвигавшееся Белинским⁶ и принятое Некрасовым-издателем и Некрасовым-поэтом,

чтобы понять, насколько некрасовская лирика не соответствовала такому читательскому запросу⁷.

Не менее сложно было и с человеческой индивидуальностью, судьбой самого поэта. Очевидно, что и личность Некрасова, его жизненный путь также не полностью удовлетворяли новым требованиям. Белинским он ценился как практик, деловой человек, увлеченный «земными», а не идеальными целями. Напомним хрестоматийно известные характеристики из мемуаров И.И. Панаева: «Некрасов произвел на Белинского с самого начала очень приятное впечатление. Он полюбил его за его резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добываясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд не по летам, который вынес он из труженической и страдальческой жизни — и которому Белинский всегда мучительно завидовал.

Некрасов пускался перед этим в издание разных мелких литературных сборников, которые постоянно приносили ему небольшой барыш... Но у него уже развивались в голове более обширные предприятия, которые он сообщал Белинскому.

Слушая его, Белинский дивился его сообразительности и сметливости и восклицал обыкновенно:

— Некрасов пойдет далеко... Это не то, что мы... Он наживет себе капитал!

Ни в одном из своих приятелей Белинский не находил ни малейшего практического элемента и, преувеличивая его в Некрасове, он смотрел на него с каким-то особенным уважением⁸.

Сам Некрасов осознавал именно практичность, а не идеальность как главное свойство своей личности: «Я был очень беден и очень молод, восемь лет боролся я с нищетою, видел лицом к лицу голодную смерть; в 24 года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба. Не до того мне было, чтоб жертвовать своими интересами чужим <...> Я не был точно *идеалист* (иначе прежде всего не взялся бы за журнал, требующий /далее зачеркнуто: как коммерческое предприятие расчетливости и устойчивости, выдержанности в однажды установленном плане/ практических качеств)», — писал он в неотправленном письме Салтыкову-Щедрину в 1869 г. (15, 1: 95).

Таким образом, перед Некрасовым встает задача как бы переопределения своей прежней поэтической деятельности в направлении, требуемом современным читателем, запросом эпохи. Один из путей, на котором можно попытаться этого достичь, доказать неустарелость своего творчества переосмыслением своей личности, своей судьбы. Об озабоченности Некрасова этой проблемой говорит неожиданно возникшее у него желание писать автобиографию. В письме Тургеневу 30 июня — 1 июля 1855 г. Некрасов сообщает: «Мне пришло в голову писать для печати, но не при

жизни моей, свою биографию, т.е. нечто вроде признаний или записок о моей жизни — в довольно обширном размере. — Скажи: не слишком ли это — так сказать — самолюбиво? Впрочем, я думаю прислать тебе начало: тогда ты лучше увидишь, может ли это быть пригодно...» (14, 1: 204). Этот замысел не был осуществлен, но само возникновение его у Некрасова во время подготовки к печати собственной книги стихов очень показательно.

Замысел издания сборника «Стихотворения Н. Некрасова» окончательно укрепился в то время, когда Некрасов жил на даче В.П. Боткина⁹. Именно общение с этим критиком, судя по всему, укрепило Некрасова в мысли издать сборник стихотворений и сняло его возможные сомнения в наличии у него качеств, необходимых для успеха у молодого идеалистического читателя. Дело, по нашему мнению, не столько в том, что Боткин поощрял Некрасова на это предприятие (а позднее выражал желание самому стать издателем книги¹⁰). Дело в том, что именно в это время критик переводил трактат Томаса Карлейля «О героях и героическом в истории» (1841) (несколько глав из этого труда в боткинском переводе было напечатано в конце 1855 г., в № 10 «Современника» и в № 1, 2 в 1856 г.). При степени близости, существовавшей в это время между поэтом и критиком¹¹, невозможно предположить, что так или иначе эта работа не обсуждалась ими. Именно знакомство (в пересказе Боткина) с трактатом Карлейля дало возможность Некрасову решить стоящие перед ним проблемы.

На воздействие Карлейля на Некрасова в научной литературе указывалось прежде всего Ю.В. Лебедевым, в частности писавшим: «На этой же почве (вере в Царя-освободителя. — М.М.) в сущности вырастал в поэзии Некрасова культ героической личности... Некрасов высоко ценил, например, переведенную на русский язык В.П. Боткиным работу английского философа Т. Карлейля “Герои и героическое в истории” <...> очевидно, Некрасову в какой-то мере импонировала “новая религия” Карлейля, основанная на культе героев»¹². Однако сказанного, конечно, крайне мало, поскольку влияние английского мыслителя на Некрасова представляется существенно более значительным и глубоким. О большой заинтересованности Некрасова работой Боткина и высокой оценке переводимой им книги свидетельствует положительный отзыв на нее, данный Некрасовым в «Современнике» в статье «Заметки о журналах за октябрь 1855 года». В книге Карлейля он видит «прозу, приближающуюся к поэзии более, чем множество стихотворных произведений. Сила и глубина мысли при лирической стремительности, картинности выражения — вот достоинства Карлейля в подлиннике; они перешли и в перевод» (11, 2: 203). Здесь важно, конечно, что Некрасов увидел в Карлейле поэта, но не в том смысле, что английский мыслитель оказал фор-

мальное влияние на его стихи. Скорее, дело в том, что Некрасов отнесся к его труду как к труду собрата по поэтическому цеху, а не философа. Что должно было привлечь внимание русского поэта в работе английского мыслителя?

Как известно, Карлейль утверждал решающую роль в истории яркой, сильной личности: «...Всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть»¹³. Важно для Некрасова то, что Карлейль включает в ряды героев и писателей¹⁴. Писатель тоже может быть героем, если, конечно, он делает то, к чему его призывает профессиональный долг. Главная задача писателя, равняющая его с героем, совершающим мужественные поступки, по определению Карлейля, следующая: «Писатель-герой высказывает, как умеет, свою вдохновенную душу, что может вообще делать всякий человек, при каких угодно обстоятельствах. Я говорю вдохновенную, ибо то, что мы называем “оригинальностью”, гением, одним словом, дарованием героя, для которого мы не имеем надлежащего названия, означает именно вдохновенность»¹⁵.

Писатель-герой, специфическая фигура, появляется, по мнению Карлейля, в XVIII в., веке скептицизма: «Скептицизм означает не только умственное сомнение, но и нравственное; он означает всякого рода неверие, неискренность, духовный паралич»¹⁶. Этот мир утрачивает веру в истину и искренность. Способность быть искренним в ту эпоху, когда в нее никто не верит и никто на нее не способен, порождают этого нового героя — писателя, в терминологии английского мыслителя. Среди таких новых героев шотландский поэт Роберт Бернс: «Еще раз среди этих второстепенных фигурантов XVIII века, гаеров в большинстве случаев, появляется исполинский оригинальный человек, один из тех, кто проникает в вечные глубины, кто занимает место в ряду героических людей»¹⁷.

Интерпретируя Бернса как героическую личность, Карлейль позволяет представить стихи, построенные на отрицании, как специфическое проявление идеализма и одновременно приравнивает создание и публикацию таких стихов в эпоху отсутствия идеалов, цинизма и презрения к истине, к героическому гражданскому поступку. Поступком, по Карлейлю, является сама поэзия, становящаяся настоящей героической биографией поэта. Искренность как своего рода героизм поэта, вероятно, выдвигалась на первый план и переводчиком Карлейля. В письме И.С. Тургеневу (июль 1855 г.), в котором он рассказывает в том числе и о

совместной с Некрасовым жизни на даче, Боткин пишет: «Ты словно кокетничаешь со своим талантом и боишься быть самим собой. От этого в произведениях твоих — так мало чувствуется личности автора. Подумай: ведь ты не высказал и сотой доли того, что проходит в душе твоей! И неистощимое богатство твоей натуры — увы! — услаждает только одних близких к тебе. Не бойся раскрыть свою душу и стать перед читателем лицом к лицу. Брось все теоретические личности, которыми ты любишь прикрывать себя: следуй движениям своего сердца без робости и осмотрительности. *Wage Du zu irgen und zu Träumen!*»¹⁸. Существенно позднее, но очень последовательно Боткин хвалит тургеневского «Фауста» именно за искренность (в письме Тургеневу от 10 ноября 1856 г.): «...Весь успех (повести «Фауст». — М.М.) на стороне натуры твоей, на симпатичности рассказа, на общем созерцании, на поэзии чувства, на искренности <...> Вот тебе лучшее доказательство, какое великое дело искренность в искусстве. Люди охотно простят все недостатки и ошибки за возбужденную в них симпатию»¹⁹. В конце этого письма Боткин высоко оценивает недавно вышедшую статью А. Григорьева: «Ап. Григорьев напечатал в 3 книжке “Русской беседы” длиннейшую статью “об искренности в искусстве”, которую поймут едва ли 10 человек, а в ней есть много дельного и хорошего. А много и пустого»²⁰.

Именно Карлейль и открыл для Некрасова образ Бернса как своего рода образец, модель поэта-героя. Некрасову, очевидно, он импонировал и, видимо, переносил отчасти на себя образ Бернса, созданный Карлейлем, образ поэта-героя, который «переносил из дня в день массу тяжелых страданий, вел борьбу, как незримый герой...»²¹. И суть героизма Бернса также могла переноситься Некрасовым на свою собственную поэзию: «Отличительную особенность Бернса как великого человека, повторяем еще раз, составляет его искренность, искренность как в поэзии, так и в жизни. В песне, которую он поет, нет фантастических вымыслов; она касается всеми осязаемых, реальных предметов; главное достоинство этой песни, как и всех его произведений, как и его жизни вообще — истина. Жизнь Бернса мы можем охарактеризовать как воплощение великой трагической искренности»²².

Фигура Бернса в интерпретации Карлейля не только экстраполировалась на фигуру самого Некрасова, но и как бы поэтизировала ее, уподобляла писателю-герою. Найденный образ идеального поэта обуславливает, на наш взгляд, решение Некрасова заменить настоящую автобиографию ее поэтическим эквивалентом, поэтическим манифестом. Вместо автобиографии он пишет стихотворение «Поэт и гражданин» и предваряет им сборник²³.

Это стихотворение представляет собой поэтическое размышление о том, как изменилось время и какой поэзии оно требует.

Гражданин в нем символизирует героя в точном смысле слова, это, вероятно, человек сильного поступка. Он же, однако, по логике Некрасова, олицетворяет и тот новый запрос, который публика предъявляет к личности поэта и к его стихам, требования бескорыстия, «идеализма», гражданского мужества, способности к жертве:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви; (2: 9)
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди, и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь... (2: 9)

Однако Поэт (такой, каким он был раньше, пока его не покинула Муза) здесь тоже фактически приравнивается к гражданину, т.е. герою. Его героическим поступком была сама его поэзия, которая не поучала, но отрицала, показывала обществу его язвы. Особенно важны следующие строчки:

Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил (2: 11).

Здесь в духе некрасовской предметности²⁴ метафоры «шел» и «входил» приобретают почти буквальное значение: поэт как будто не «переносился воображением», не «изображал», а прямо шел в тюрьму, в больницу и на эшафот. Поэзия становится подвигом, подобным подвигу гражданина. И совершенно как у карлейлевского Бернса, суть героизма поэта, превращавшая его стихи в поступки, вызывавшие ненависть врагов, заключалась в его искренности:

Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил! (2: 11—12)

Так поэзия отрицания становится поэзией «идеалистической». Искренность поэзии становится заменой жертвы, не принесенной в жизни.

Примечания

¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.; СПб., 1981—2000. Т. 14. Кн. 1. С. 204—205. В дальнейшем все цитаты из произведений, писем и деловых бумаг Некрасова даются по этому изданию с указанием в скобках номера тома, книги (в случае если том состоит из двух книг) и номера страницы.

- ² Левин Ю.Д. Некрасов и английский поэт Крабб // Некрасовский сборник. II. М.; Л., 1956. С. 475.
- ³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 23.
- ⁴ Известная фактическая сторона подготовки и реализации этого проекта изложена подробно: Подольская И.И. Первая книга // Некрасов Н.А. Стихотворения. М., 1988. С. 337—352.
- ⁵ Это время совпало с возвращением с каторги и из ссылки героев и мучеников — декабристов, петрашевцев. Об этом см.: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 177—178.
- ⁶ См., например, его статью «О жизни и сочинениях Кольцова»: Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1976—1982.
- ⁷ Стихотворений, которые могли бы быть охарактеризованы как «идеалистические» в этом смысле, в сборнике 1856 г. крайне мало. Можно таковыми называть, пожалуй, только «Блажен незлобивый поэт...» (1852), «Когда из мрака заблужденья...» (1845) и, естественно, «Поэт и гражданин» (1856).
- ⁸ Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 285.
- ⁹ Договор Некрасова с Солдатенковым на его издание был заключен 11 июня 1855 г.
- ¹⁰ Эта история подробно прослеживается в работе: Подольская И.И. Первая книга Некрасова // Некрасов Н.А. Стихотворения. 1856.
- ¹¹ Эта близость проявилась, в том числе, в совместной работе над обзорами текущих журналов в «Современнике» в 1855—1856 гг.
- ¹² Лебедев Ю.В. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Некрасов // Лебедев Ю.В. В середине века. М. 1988. С. 156.
- ¹³ Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 6.
- ¹⁴ Глава о писателе как герое переведена и опубликована не была, однако представляется крайне вероятным знакомство Некрасова и с этой главой трактата Карлейля из разговоров с Боткиным.
- ¹⁵ Карлейль Т. Указ. соч. С. 127.
- ¹⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷ Там же. С. 153.
- ¹⁸ Переписка И.С. Тургенева: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 355.
- ¹⁹ Там же. С. 370.
- ²⁰ Там же. С. 372. Стоит обратить внимание на перспективность вопроса о воздействии книги Карлейля на Ап. Григорьева. Эта искренность, о которой он много говорит, выглядит как заимствованная именно у английского философа. Вероятно, Григорьев воспринял Карлейля как бы «через Шеллинга». В одной из последних статей («Парадоксы органической критики» (1864)) Григорьев называет его «светозарным отражением лучей Шеллингова гения на английской почве» (Григорьев А.А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 162).
- ²¹ Карлейль Т. Указ. соч. С. 153.
- ²² Там же. С. 156.
- ²³ Замысел стихотворения и первые его наброски появляются у Некрасова как раз в мае 1855 г., во время пребывания в гостях у Боткина. Однако письмо Тургеневу, в котором Некрасов говорит о желании создать автобиографию, написано в самом конце июня того же года. Очевидно, эти два замысла существовали вместе, и поэт некоторое время колебался в выборе между двумя способами перепреопределить свою личность и поэзию в духе современных представлений о поэте и поэзии.
- ²⁴ Об этом см.: Чуковский К.И. Кнотом иссеченная муза // Чуковский К.И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990; Макеев М.С. Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины 19-го века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998.